

И.Э. Иванов

© Иванов И.Э., 2026

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ПРЕПОДОБНОМУ ИОСИФУ ВОЛОЦКОМУ: РИТОРИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ДОСИФЕЯ ТОПОРКОВА

Аннотация. Статья посвящена анализу риторического мастерства древнерусского книжника и постриженника Волоколамского Успенского монастыря Досифея Топоркова в Надгробном слове Иосифу Волоцкому. В составленном Надгробном слове Досифей активно использует приемы ораторского красноречия Древней Руси: морфемные и лексические повторы, синтаксические средства выразительности, риторические способы обращения к публике, метафоры, антитезы и др. Надгробное слово содержит в себе черты поэтики плача, что обусловлено литературной задачей книжника – выражением личной скорби по ушедшему наставнику. Краткое жизнеописание подвижника, помещенное Досифеем в свое сочинение, тем не менее не дает оснований причислять Надгробное слово к числу агиографических памятников, анализ стилистических и риторических средств указывает на панегирический характер Надгробного слова. Предполагается, что черты поэтики плача в Надгробном слове определяют привязанность сочинения Досифея ко времени преставления Иосифа Волоцкого, что делает памятник актуальным именно для второй половины 10-х годов XVI века. Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием литературоведческих работ, посвященных Надгробному слову Иосифу Волоцкому и литературному мастерству Досифея Топоркова.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий; Досифей Топорков; Надгробное слово; торжественное красноречие; иосифлянство; риторика.

Получено: 07.12.2025

Принято к печати: 15.01.2026

Информация об авторе: *Иванов* Игорь Эдуардович, аспирант филологического факультета Московского государственного универси-

тета им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8192-2589>

E-mail: igiv-ed@yandex.ru

Для цитирования: *Иванов И.Э.* Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому: риторическое искусство Досифея Топоркова // Литературоведческий журнал. 2026. № 2(72). С. 78–92.

DOI: 10.31249/litzhur/2026.72.05

Igor' Eh. Ivanov

© Ivanov I. Eh., 2026

THE FUNERAL ORATION FOR St JOSEPH VOLOTSKY: THE RHETORICAL ART OF DOSIFEI TOPORKOV

Abstract. This article examines the rhetorical mastery of Dosifei Toporkov, a medieval Russian scribe and monk of the St Joseph Volotsky Monastery, as evidenced in his Funeral Oration for Joseph of Volotsk. In this composition, Dosifei actively employs techniques characteristic of Old Russian oratorical art, including morphological and lexical repetitions, syntactical devices, rhetorical forms of address, metaphors, antitheses, among others. The oration incorporates features of lamentation poetics, which is dictated by the author's literary objective – to express personal grief for his departed spiritual mentor. Although Dosifei includes a brief vita of the ascetic in his work, this does not provide sufficient grounds to classify the Funeral Oration among hagiographic texts; rather, the analysis of its stylistic and rhetorical devices indicates its panegyric nature. It is suggested that the elements of lamentation poetics in the oration anchor Dosifei's work to the period immediately following the death of Joseph of Volotsk. This connection establishes the monument's particular relevance to the second half of the 1510s. The relevance of this study is determined by the lack of scholarly literary research dedicated to the Funeral Oration for Iosif Volotsky and the literary craftsmanship of Dosifei Toporkov.

Keywords: Joseph Volotsky; Dosifei Toporkov; Funeral oration; solemn eloquence; josephism; rhetoric.

Received: 07.12.2025

Accepted: 15.01.2026

Information about the author: *Igor' Eh. Ivanov*, PhD Student of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1st building of humanitarian faculties, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, 119991, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8192-2589>

E-mail: igiv-ed@yandex.ru

For citation: Ivanov, I.Eh. "The Funeral Oration for St Joseph Volotsky: The Rhetorical Art of Dosifei Toporkov". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(72), 2026, pp. 78–92. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2026.72.05

Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому было составлено племянником и учеником игумена Досифеем Топорковым, известным и плодотворным древнерусским книжником XVI века. Биография Досифея не раз становилась объектом пристальных исследований ученых-медиевистов, результаты исследований отражены в фундаментальных словарных статьях [3; 9], наиболее подробно жизненный путь книжника изложен в работе Л.А. Ольшевской [11]. С именем Досифея связан труд над рядом важных памятников XVI века: ранней из известных работ книжника – в роли автора, редактора или переписчика – является Русский Хронограф [13]; с 1528–1529 гг. Досифей по поручению архиепископа Новгородского Макария редактировал Синайский патерик [14; 15] и, наконец, в 30-е годы Досифеем был составлен Волоколамский патерик [11, с. 51], который испытал на себе влияние как Хронографа, так и Синайского патерика.

Проблема датировки Надгробного слова не имеет единого решения. К.И. Невоструев, издавший памятник в 1865 г. по списку из сборника ГИМ. Син. № 927 (разнотечения по РГБ. Волок. № 527), полагал, что Слово было написано через несколько лет после представления Иосифа Волоцкого [10, с. II]. Мнение К.И. Невоструева в дальнейшем поддержала Л.А. Ольшевская [11, с. 50]. По мнению В.О. Ключевского, Надгробное слово было составлено приблизительно в то же время, что и минейное Житие, во второй половине 40-х годов XVI века или незначительно позже [8, с. 292].

А.И. Плигузов, изучая списки памятника и его историю, заметил, что Слово составлено после Волоколамского патерика и до минейного Жития Иосифа Волоцкого, поскольку последнее содержит следы знакомства Саввы Черного с сочинением Досифея Топоркова. Кроме того, в рассказе о неких хулителях Иосифа Волоцкого и его «Книги на новгородских еретиков», выступивших, по словам Досифея, после смерти преподобного, А.И. Плигузов склонен видеть намек на собор 1531 г. Это дает основание исследователю датировать памятник временем после собора [12, с. 107–108].

Иную датировку предложил А.А. Казаков: исследователь обратился к составу сборника Епарх. № 664, включающего в свой состав авторскую редакцию Надгробного слова и вошедшие позже в Волоколамский патерик повести. Наблюдения А.А. Казакова позволили историку приурочить создание Слова к 1520-м годам [6, с. 35–41].

Историография трудов, посвященных Иосифу Волоцкому и иосифлянству, традиционно рассматривает Надгробное слово как «неполноценное» агиографическое произведение, неудавшееся житие, подчеркивая тем не менее значение содержащихся в нем исторических сведений. Первый издатель памятника, К.И. Невострюев, охарактеризовал Слово как «первое из всех житий преподобного Иосифа» [10, с. II], В.О. Ключевский охарактеризовал памятник как «очерк жизни Иосифа» [8, с. 292]; А.И. Плигузов рассматривал Слово как произведение о подвижнике, не соответствующее «стереотипу сочинений агиографического жанра»; А.А. Казаковым Надгробное слово рассматривается наряду с мнейным и анонимным житиями Иосифа Волоцкого как агиографический источник по истории раннего иосифлянства [5].

Однако Надгробное слово представляет собой памятник эпидейктического, или торжественного, красноречия древнерусской книжности, обширной и богатой традиции древнерусской словесности XI–XVI вв. Досифей Топорков как опытный и искусный книжник, работавший с Русским Хронографом¹, Волоколамским и Синайским патериками, хорошо осознавал, что пишет панегирик, произведение ораторской прозы. Ю.К. Бегунов отмечал, что XV–XVI вв. характеризуются периодом «экспансии» художественных приемов ораторской прозы на другие «жанры» древнерусской книжности, в результате чего возникают новые жанровые ассоциации, а вместе с ними – многочисленные примеры использования риторических приемов эпидейктического красноречия в агиографических и летописных текстах. Влияние «экспансии» ораторской прозы, по мнению исследователя, обнаруживается в произведениях, созданных Епифанием Премудрым, Пахомием Сербом, агиографами школы Макария [2, с. 82].

¹ Еще О.В. Творогов, характеризуя работу автора Русского Хронографа, отмечал «необычайную эрудицию... неутомимость в разыскании и подборе источников и высокое литературное мастерство» Досифея Топоркова: [16, с. 187].

Однако Надгробное слово Иосифу Волоцкому по всему спектру используемых риторических приемов следует относить к ораторской традиции, тексты которой предназначались, прежде всего, для устного прочтения. Задача настоящей работы состоит в анализе тех риторических приемов, которые использовал Досифей Топорков в своем сочинении. Кроме того, несмотря на известность Досифея и значение созданных им памятников, литературные особенности его произведений практически не становились объектом внимания².

Ю.К. Бегунов предложил классификацию памятников древнерусского ораторского красноречия, унаследованного южными и восточными славянами у греков. В предложенной классификации система ораторской прозы делится на два «поджанра»: торжественное красноречие и учительное. Внутри торжественного красноречия выделяется три вида, одним из которых являются «слова» в честь святых (кроме ветхо- и новозаветных) [1, с. 382–383]. Именно к этому виду «слов» следует отнести Надгробное слово Иосифу Волоцкому.

Тема Слова, или *Inventio* в классической риторике, заявлена в заглавии памятника: «Слово Надгробное преподобному Иосифу. Сказание мало о житии его, откуда и кто бѣ». Однако литературная задача книжника заключается не в жизнеописании Иосифа Волоцкого, о чем Досифей открыто пишет, а в поучении и наставлении скорбящих монахов, «къ ослаблению одержаща насъ горести, есть бо и се полезно желающимъ таковая» [10, с. 160]

Композиционно (*Dispositio*) памятник делится на три части. Первая часть, вступление, или *Exordium*, содержит наибольшее количество характерных для панегирической прозы риторических приемов: построенных на амплификации риторических периодов, антитез, метафор, примеров синтаксического параллелизма и разного рода повторов. Стоит отметить, что вступление Надгробного слова отличается пространностью.

Стилистический узор памятника очень богат и разнообразен, однако назвать Слово в полной мере примером торжественного красноречия нельзя. Перед нами надгробная речь, своего рода

² За исключением вышеуказанной характеристики О.В. Творогова, о «художественной грани таланта» Досифея Топоркова писала Л.А. Ольшевская, отмечая высокий уровень портретных зарисовок, выполненных книжником в стиле иконописного подлинника: [11, с. 43].

некролог с кратким изложением жизни подвижника, поэтому используемые автором литературные средства направлены, с одной стороны, на прославление святого, с другой – на плач о нем. Именно поэтика плача определила словесное украшение (*Elocutio*) Надгробного слова Иосифу Волоцкому.

Начало памятника можно разложить на четыре риторических периода. Первый период, в котором книжник «подступает» к теме, рассуждая о постигающих всех людей страданиях и лишениях, заканчивается гомеотелевтом «не ризы точию растерзаше, но и во всѣхъ нужныхъ безлѣпотствоваше» [10, с. 154]. Морфемный повтор станет излюбленным приемом Досифея Топоркова в «Надгробном слове», с помощью гомеотелевта книжник заканчивает периоды или обозначает границы между ними. Общее вступление о страданиях и печалях, поджидающих всех наделенных даром слова созданий, представляет собой пространную амплификацию. Вступление памятника напоминает некий узор или орнамент, украшенный большим количеством разных стилистических средств. Эффект усиливается тем, что начало Слова является практически лирическим плачем по ушедшему игумену.

Во вступлении памятника присутствует характерная для надгробных речей тема *memento mori*, именно со слов о скоротечности человеческой жизни и неотвратимости смерти традиционно начинаются надгробные речи. На это обстоятельство указала Е.В. Юхименко [17, с. 358], правда, в отношении литературной культуры барокко и старообрядческих надгробных слов Выговской пустыни. В XVII в. «жанр» надгробного слова стал одним из ведущих, сведения о его канонах черпались из переведенных в этом столетии риторик, ориентированных на античную панегирическую традицию. Тема *memento mori* в сочинении Досифея представлена более чем убедительно³.

Второй риторический период Слова представляет собой весь перечень риторических обращений к публике: за обращением «Настояще же нам, братие... пострадати...» [10, с. 154] следует вопрос «И что убо будеть ино таковыя тщеты ради?...» [10, с. 154], на который в границах этого же периода дается ответ. Однако ответ

³ Мотивы темы *memento mori*, по всей видимости, заимствованы Досифеем из Надгробного слова Киприану, составленного болгарским книжником Григорием Цамблаком. На текстуальные параллели между двумя памятниками недавно указал А.А. Казаков [7].

зашифрован целым аллегорическим рядом, приведем фрагмент полностью: «Растерзати же можаше не ризы точию, но и вся внутренняя слоги и умное составление прашно и темно сотворити, и не въ хранимѣ мрачнѣй особитися, но и востокъ свѣтила утренняя от ясности сияния слезною безъ вѣсти сотворити» [10, с. 154–155]. Метафоры «стирать себя в порошок» от печали и развернутая метафора «слепнуть» не от уединения в мрачной келье, но от мрака слез, застилающих утренний свет от востока, под которым аллегорически понимается Иосиф Волоцкий, заканчивают период. Досифей долгое время подводит своих слушателей к главной теме, словно старается отсрочить момент произнесения имени усопшего, подготовить слушателей к печальной новости. Поэтому свою речь книжник начинает со слов о неизбежности утрат, которые настигают всех, обладающих даром слова.

Наконец, причина скорби братии называется прямо, однако ей предшествует длинный ряд перечислений возможных материальных и духовных потерь: расширение сел и увеличение поголовья скота, светлые комнаты, любовь ближних и друзей – всему перечисленному противопоставляется потеря святого отца, где антитеза усилена эмоциональным воздействием лексического повтора: «но чюдного отца отъятие пострадохомъ, глаголю же, блаженного отца нашего Иосифа» [10, с. 155]. Когда причина скорби братии называется, акцент смещается с плача на похвалу и Досифей разворачивает для своих слушателей энкомий святому.

Для стиля Досифея Топоркова, как показано выше, характерно использование противопоставлений. Антитеза, действительно, один из излюбленных приемов книжника. Пространное противопоставление разворачивается при сравнении Иосифа Волоцкого с тезоименным ему Иосифом Прекрасным: «Древний же Иосифъ... жену имѣ и чада роди, сей же потемнение Египта, страстей мира избѣже; встающихъ сладострастей не во единѣ часъ, но и во все время... побѣди; не точию самъ, но и вся сущая съ нимъ настави побѣдити...» [10, с. 155–156]. Обращает на себя внимание характер противопоставлений: перед нами не распространенный пример параллельного противопоставления одного явления другому – Досифей из первой оппозиции «тянет» следующую, практически не связанную с первой.

Далее энкомий святому вновь сменяется плачем: Досифей призывает монахов «о лишении вождѣлennaго и сладкаго отца бѣду обрыдовати слезнѣ» [10, с. 156], причем использует мета-

фору, призывая плакать об игумене уединенно в кельях, «якоже птица пустынелюбная». Обращение к анималистическим образам – еще один признак присутствия поэтических черт плача. Кроме вышеприведенного сравнения уединенного в печали человека с птицей, Досифей обращается к этому образу еще раз: «Плачемся, яко и животная и пернатая се въ естествѣ имуть болѣзновати и въздыхати о разлучении своихъ» [10, с. 160]

Обращение к братии в пространном «плачевном» периоде оформляется с помощью глагольных форм: Досифей использует только формы первого лица множественного числа: «убоимжеся», «бѣжимъ, и возопиемъ, и воскликнемъ», «хощемъ», «въздыхаемъ», «остаемъ», «плачемся» и др., что указывает на ораторский, риторический характер его сочинения. Лирическая тирада изобилует риторическими восклицаниями, характерными для поэтики плача: «Увы мнѣ, увы мнѣ, душе», «Где суть отецъ? Где суть пастырь добрый? Яко восхищенъ бысть от насъ», «Горе, горе, яко отиде от нас...», «Увы, увы, о братие» [10, с. 156–159]. А глаголы «плачемся» и «возопиемъ» и производные от них весьма частотны как во вступлении, так и в заключении Слова. Досифей явно рассчитывал на сильное эмоциональное воздействие своей речи, поскольку плач и, собственно, энкомий во вступлении Слова чередуются; автор словно всякий раз сбивается с главной темы на плач по ушедшему учителю.

Синонимичные ряды, построенные по принципу триады, усиливают экспрессивный характер периода: «бѣжимъ, и возопиемъ, и воскликнемъ... но съ тихостию, умилениемъ и плачевнѣ», «смирениемъ и кротостию и незлобиемъ», «на раму смирения, любве и терпѣнія нося», «путь любве и смирения и терпѣнія». Эта часть вступления богата метафорами, перечисление всех будет излишним, поэтому ограничимся лишь некоторыми. Иосиф Волоцкий сравнивается с искусным окормителем, управляющим «корабль живота нашего от буря и потопления грѣховнаго», спасающим монахов «пращею учения, якоже звѣря, отгоняя... страсти» и др. Многие метафоры имеют библейское происхождение и являются топосами древнерусской книжности, Досифей органично применяет их в анализируемых контекстах, обилие же риторических обращений и восклицаний, использование глаголов в выше-названных формах говорят о панегирическом характере памятника. Досифей Топорков выступает искусным ритором, мастерски

используя и комбинируя стилистические средства торжественного красноречия.

Диалогический период, завершающий *Exordium*, также имеет некоторые особенности. Подобный пример описан И.П. Ереминым в работе, посвященной ораторскому мастерству Кирилла Туровского [4, с. 134]. Перед нами чередование риторических вопросов, на каждый из которых дается ответ, вопросы и ответы построены по принципу антитезы: «Како понуждѹ языкъ къ сложенію слова, якоже нѣкоими оковы бѣдоу окованъ? Како отверзѹ уста безгласиємъ содержима? Како ли возрю душевными очима, тмоу бѣдѹ покровень. Кто ми разрѣшити мрачный и глубокий сей облакъ утра, паки от ясности покажетъ свѣтлу смирення зарю. Како же и воссияетъ заря, свѣтилу нашему отшедшу и во тмѣ насъ оставльшу невидѣнія» [10, с. 160].

Повествование о жизни Иосифа Волоцкого составляет основную часть Надгробного слова, или *Narratio*, хотя по объему оно незначительно больше вступления. Кратко охарактеризуем те риторические примеры, которые Досифей Топорков использует при описании жизни подвижника. Их количество значительно уменьшается, когда книжник заканчивает вступительную часть. В основной части памятника периодичность речи, т.е. организация речи по построенным на основе амплификации периодам, исчезает. Здесь заканчивается риторическая манера повествования, однако Досифей использует разнородные стилистические приемы, пусть и в меньшем количестве.

В основной части обращают на себя внимание морфемные повторы, гомеотелевты, украшающие текст в наиболее важные моменты повествования.

Небольшое повествование о матери подвижника Марине и ее христианских добродетелях, которых автор вместе с рассказом об отце святого «краемъ перста... коснухся», содержит упоминание о князе Борисе Васильевиче: князь ее «зѣло почиташе и от трапезы своя посылаше, она же вся нищимъ подаваше» [10, с. 164].

Другой подобный пример обнаруживается в рассказе о постриге подвижника в обители Пафнутия Боровского: «...далечное и ненаемое отшествіе любимаго горко рыдаху, от слуха же мало орошение страсти приобрѣтаху» [10, с. 166]. Эпизод посвящен уходу юноши в монастырь и постригу в иночество. Родные «плачевная пояху и острѣишаяся стрѣла печали в тѣхъ сердца прожодаше». В этом эпизоде повествование Досифея Топоркова

«сбивается» с повествовательного характера основной части, и он использует риторические приемы, которых практически нет в описании жизни подвижника. Возможно, это связано с ключевым моментом в жизни Иосифа Волоцкого, важной вехой, – монашеским постригом; возможно, это необходимо для более наглядного изображения плача родных по сыну, поскольку принятие иноческого сана мыслилось не просто как уход от суетной жизни, но как смерть.

Досифей использует морфемный повтор и при описании жизни Иосифа в монастыре Пафнутия: «Церковное же правило и особое и молитвы и колѣнопреклонение въ подобное время всегда творяше, въ прочая же часы службамъ и рукоделию прилежае» [10, с. 167]. В дальнейшем в иосифлянкой агиографии описание жизни Иосифа Волоцкого в Пафнутьево-Боровском монастыре будет играть особую роль, поскольку именно там будущий игумен усвоил правила и порядки общежительного монашества, которые позже легли в основу Духовной грамоты Иосифа Волоцкого и всего распорядка жизни Волоколамской Успенской обители. Досифей выделяет этот эпизод из жизни учителя в своем повествовании, обрамляя его риторическими фигурами, метафорами и повторами.

Совершенно особым словесным образом Досифей Топорков оформляет те эпизоды, которые посвящены наказаниям, постигшим еретиков жидовствующих. В рассказе о торговой казни, которой архиепископ Новгородский Геннадий предал отступников, Досифей последовательно использует формы инфинитива: «И повелѣ еретиковъ всажати... и водити... и всѣмъ людемъ повелѣ плевати на нихъ и глаголати...» [10, с. 172]. Аналогичный пример, но с использованием только форм аориста обнаруживается в другом рассказе о еретиках, но на этот раз действует не архиепископ Геннадий, а князя Иван Васильевич и его сын Василий Иванович, которые «обнажиша ихъ от коже овчий и соборнѣ прокляша... казни прѣдаша... маглавиемъ биша... въ заточение послаша... вси начаша ненавидѣти злочестивыхъ еретиковъ» [10, с. 173]. С известной долей осторожности можно предположить, что накопление глаголов одной формы в обоих контекстах может служить стилистическим целям⁴.

⁴ На подобный пример указывал Л.П. Якубинский, рассуждая о накоплении перфектных форм в одном из эпизодов «Поучения Владимира Мономаха»: [18, с. 314].

В заключительной части Надгробного слова Досифей вновь возвращается к риторической манере повествования, украшенной разными стилистическими приемами. Книжник использует традиционные метафоры, называя Иосифа «добротой... паче солнечных лучь»; сиявшим над главою сердца светильником, отгонявшим тьму неведения; сосудом Божьих даров. Риторические обращения к преставившемуся преподобному вновь напоминают лирический плач, в стиле которого написано вступление памятника. Досифей Топорков перечисляет качества преподобного, обладающего библейскими добродетелями: «Авраамово страннолюбие, Иаковле незлобие, Иосифово цѣломудрие, Иевле терпѣние, Моисеево милование, Давыдова кротость» [10, с. 177]. Свою литературную задачу книжник еще раз декларирует в заключение памятника словами «Таковая убо надгробная словеса отцу!»

Целью Досифея Топоркова не было создание жизнеописания святого подвижника, Надгробное слово было написано для монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что все списки Надгробного слова непосредственно связаны с Волоколамской обителью⁵. Досифей не стремился написать житие святого, его литературная задача состояла в другом – почтить память учителя и выразить скорбь свою и учеников Иосифа Волоцкого о разлуке с наставником. Черты поэтики плача в Надгробном слове, на наш взгляд, определяет приуроченность сочинения Досифея ко времени преставления Иосифа Волоцкого и делает актуальным Надгробное слово именно для второй половины 10-х годов XVI века. Досифей Топорков мастерски использует риторические приемы торжественного красноречия, его сочинение изобилует амплификациями, лексическими и морфемными повторами, антитезами, сравнениями и риторическими обращениями. Осветить память недавно ушедшего учителя и прославить его деяния – вот задача, которую ставил перед собой автор Надгробного слова Иосифу Волоцкому.

⁵ Описание сборников, включающих в свой состав Надгробное слово см.: [12, с. 102–104].

Список литературы

1. *Бегунов Ю.К.* Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX–XVI веков: (К постановке вопроса) // *Славянские литературы*. М.: Наука, 1973. С. 380–399.
2. *Бегунов Ю.К.* Древнерусская ораторская проза как жанр (К постановке вопроса) // *Пути изучения древнерусской литературы и письменности*. Л.: Наука, 1970. С. 75–85.
3. *Дмитриева Р.П.* Досифей Топорков (Вошечников) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 201–203.
4. *Ерёмин И.П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // *Ерёмин И.П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). Л.: Наука, 1966. С. 132–143.
5. *Казаков А.А.* Иосиф Волоцкий, «конец времен» и ересь «жидовствующих»: о некоторых свидетельствах Досифея // *Novogardia*. 2019. № 1. С. 119–125.
6. *Казаков А.А.* Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 292 с.
7. *Казаков А.А.* «Послание вельможе Иоанну о смерти князя»: к проблеме авторства, о поводе к созданию и бытованию текста в XVI в. // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 24 / ИМЛИ РАН; гл. ред. О.А. Туфанова, науч. ред. М.В. Каплун. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 241–274.
8. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. М.: Типография Грачёва и К., 1871. 465 с.
9. *Кузьмин А.В., Турилов А.А.* Досифей (Топорков (Вошечников) // *Православная энциклопедия*. Т. 16. М: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. С. 68–70.
10. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова / подгот. К.И. Невоструев // *Чтения в обществе любителей духовного просвещения*. 1865. Кн. 2. С. 153–180.
11. *Ольшевская Л.А.* Досифей Топорков: (Опыт реконструкции биографии писателя на основе документальных и литературных источников XV – XVI вв.) // *Факт, домысел, вымысел в литературе: Межвузовский сборник научных трудов*. Иваново, 1987. С. 38–52.
12. *Плигузов А.И.* Преподобный Иосиф Волоцкий: Послания, «Просветитель», жития. М.: Квадрига, 2020. 304 с.
13. *Седельников А.Д.* Досифей Топорков и Хронограф // *Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук*. Сер. VII. Л., 1929. № 9. С. 755–773.
14. *Смирнов И.М., свящ.* Материалы для характеристики книжной деятельности Всероссийского митр. Макария [Начало] // *Богословский вестник*. 1916. Т. 2. № 5. С. 163–189.

15. Смирнов И.М., свящ. Материалы для характеристики книжной деятельности Всероссийского митр. Макария [Окончание] // Богословский вестник. 1916. Т. 2. № 6. С. 275–291.
16. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л.: Наука, 1975. 320 с.
17. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. 1 / науч. ред. Н.В. Поньрко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 544 с.
18. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. 367 с.

References

1. Begunov, Yu. K. “Problemy izucheniya torzhestvennogo krasnorechiya yuzhnykh i vostochnykh slavyan IX–XVI vekov: (K postanovke voprosa)” [“Problems of Studying the Solemn Eloquence of the Southern and Eastern Slavs of the 9th – 16th Centuries: (On the Question)”]. *Slavyanskije literatury* [Slavic Literatures]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 380–399. (In Russ.)
2. Begunov, Yu. K. “Drevnerusskaya oratorskaya proza kak zhanr (K postanovke voprosa)” [“Old Russian Oratorical Prose as a Genre (On the Question)”]. *Puti izucheniya drevnerusskoj literatury i pis'mennosti* [Ways of Studying Old Russian Literature and Writing]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 75–85. (In Russ.)
3. Dmitrieva, R.P. “Dosifei Toporkov (Voshchechnikov)” [“Dosifei Toporkov (Voshchechnikov)”]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Russia], issue 2, part 1. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 201–203. (In Russ.)
4. Eremin, I.P. “Oratorskoe iskusstvo Kirilla Turovskogo” [“The Oratorical Art of Cyril of Turov”]. *Literatura Drevnei Rusi (ehtyudy i kharakteristiki)* [Literature of Ancient Russia (Essays and Characteristics)]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 132–143. (In Russ.)
5. Kazakov, A.A. “Iosif Volotskii, ‘konets vremen’ i eres’ ‘zhidovstvuyushchikh’: o nekotorykh svidetel'stvakh Dosifeya” [“Joseph Volotsky, the ‘End of Times’, and the Heresy of the ‘Judaizers’: On Some Testimonies of Dosifei”]. *Novogardia*, no. 1, 2019, pp. 119–125. (In Russ.)
6. Kazakov, A.A. *Iosif Volotskii: ot agiograficheskogo povestvovaniya k nauchnoi biografii* [Joseph Volotsky: from Hagiographic Narrative to Scientific Biography]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2022, 292 p. (In Russ.)
7. Kazakov, A.A. “‘Poslanie vel'mozhe Ioannu o smerti knyazya’: k probleme avtorstva, o povode k sozdaniyu i bytovanii teksta v XVI v.” [“The Epistle to Nobleman

- John about the Prince's Death': on the Attribution, on the Reason for Writing and the Text's Usage in the 16th Century"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], issue 24, ed.-in-chief O.A. Tufanova, sci. ed. M.V. Kaplun. Moscow, IMLI RAN Publ., 2025, pp. 241–274. (In Russ.)
8. Klyuchevskii, V.O. *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskii istochnik* [*Old Russian Lives as a Historical Source*]. Moscow, Tipografiya Gracheva i K. Publ., 1871, 465 p. (In Russ.)
 9. Kuz'min, A.V., Turilov, A.A. "Dosifei (Toporkov (Voshchechnikov))" ["Dosifey (Toporkov (Voshechnikov))"]. *Pravoslavnyaya ehntsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*], vol. 16. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya ehntsiklopediya" Publ., 2007, pp. 68–70. (In Russ.)
 10. "Nadgrobnoe slovo prepodobnomu Iosifu Volokolamskomu uchenika i srodnika ego inoka Dosifeya Toporkova" ["The epitaph of St Joseph of Volokolamsk by his Disciple and Relative, the Monk Dosifei Toporkov"], ed. K.I. Nevostuev. *Chteniya v obshchestve lyubitelei dukhovnogo prosveshcheniya*, vol. 2, 1865, pp. 153–180. (In Russ.)
 11. Ol'shevskaya, L.A. "Dosifei Toporkov: (Opyt rekonstruktsii biografii pisatelya na osnove dokumental'nykh i literaturnykh istochnikov XV–XVI vv.)" ["Dosifei Toporkov: (An Attempt at Reconstructing the Writer's Biography Based on Documentary and Literary Sources from the 15th and 16th Centuries)"]. *Fakt, domysel, vymysel v literature: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [*Fact, Speculation, and Fiction in Literature: An Interuniversity Collection of Research Papers*]. Moscow, 1987, pp. 38–52. (In Russ.)
 12. Pliguzov, A.I. *Prepodobnyi Iosif Volotskii: Poslaniya, "Prosvetitel", zhitiya* [*Reverend Joseph Volotsky: Letters, "The Enlightener", and Lives*]. Moscow, Kvadriga Publ., 2020, 304 p. (In Russ.)
 13. Sedel'nikov, A.D. "Dosifei Toporkov i Khronograf" ["Dosifei Toporkov and the Chronograph"]. *Izvestiya Akademii nauk. Otd. gumanitarnykh nauk* [*Proceedings of the USSR Academy of Sciences*], series VII. Leningrad, no. 9, 1929, pp. 755–773. (In Russ.)
 14. Smirnov, I.M. "Materialy dlya kharakteristiki knizhnoi deyatel'nosti Vserossiiskogo mitr. Makariya" ["Materials for the Characterization of the Book Activity of the All-Russian Mitr. Macarius"]. *Bogoslovskii vestnik*, vol. 2, no. 5, 1916, pp. 163–189. (In Russ.)
 15. Smirnov, I.M. "Materialy dlya kharakteristiki knizhnoi deyatel'nosti Vserossiiskogo mitr. Makariya" ["Materials for the Characterization of the Book Activity of the All-Russian Mitr. Macarius"]. *Bogoslovskii vestnik*, vol. 2, no. 6, 1916, pp. 275–291. (In Russ.)
 16. Tvorogov, O.V. *Drevnerusskie khronografy* [*Old Russian Chronographs*]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 320 p. (In Russ.)

17. Yukhimenko, E.M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura* [*Vygovskaya Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature*], vol. 1, ed. by N.V. Ponyrko. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, 544 p. (In Russ.)
18. Yakubinskii, L.P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [*History of the Old Russian Language*]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1953, 367 p. (In Russ.)